

УДК 316.442

«РУССКИЙ МЕДВЕДЬ» КАК СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПОГРАНИЧНИК

О. В. Рябов, М. А. Константинова

Ивановский государственный университет

Статья посвящена анализу образа «русского медведя» как символического пограничника, отделяющего Россию от Запада. Авторы интерпретируют проведение символических границ как средство поддержания коллективной идентичности и способ установления властных отношений. Исследуются свойства и функции «русского медведя», его роль в проведении внешних и внутренних символических границ России.

Ключевые слова: образ России как медведя, социальные границы, символические границы, символические пограничники, национальная идентичность, легитимация власти.

O. V. Ryabov, M. A. Konstantinova. «RUSSIAN BEAR» AS A SYMBOLIC BORDER GUARD

The article is devoted to the image of the Russian bear as a symbolic border guard which contributes to drawing symbolic boundaries between Russia and the West. The authors treat drawing of symbolic boundaries as a way to support collective identity and to establish power relations. They analyse traits and functions of the 'Russian bear' and its role in establishing internal and external symbolic boundaries of Russia.

Key words: image of Russia as a bear, social boundaries, symbolic boundaries, symbolic border guards, national identity, legitimating power.

В 1969 г., задолго до появления Шенгенской зоны, герой поэмы «Москва – Петушки» представил различия России и Европы следующим образом:

«Граница нужна для того, чтобы не перепутать нации. У нас, например, стоит пограничник и твердо знает, что граница эта – не фикция и не эмблема, потому что по одну сторону границы говорят на русском и больше пьют, а по другую – меньше пьют и говорят на нерусском...

А там?

Какие там могут быть границы, если все одинаково пьют и говорят не по-русски!» [Ерофеев, 1995. С. 100].

В этих словах Венечки выражена сущность социальной границы как таковой. Во-первых,

она объединяет одних, противопоставляя их другим; другие при этом гомогенизируются, превращаясь в унифицированных Чужих. Во-вторых, граница социальная поддерживается границей символической, которая создается при помощи своеобразных символических пограничников. В-третьих, эти пограничники произвольны: в качестве таковых могут быть использованы и язык, и количество выпитого – хотя эта произвольность также имеет свои границы.

Одним из заметных символических пограничников, исключаящих Россию из Запада, является образ «русского медведя», и цель нашей статьи заключается в исследовании его роли в производстве этого исключения. Внача-

ле мы уточним методологию исследования границ, а затем остановимся на вопросе о том, как данный образ используется в проведении внешних и внутренних символических границ как на Западе, так и в России.

Символические границы: природа и функции

Онтологический статус границы определяется, прежде всего, тем, что бытие дискретно, т. е. состоит из частей, качественно отграниченных друг от друга. В философской традиции понятие границы впервые можно встретить в учении Филолая, представителя пифагорейской школы, который среди начал всего сущего выделил предел и беспредельное [см.: Бахтызин, 2004. С. 14]. Граница, по Филолаю, является единством предела и беспредельного, которое, разделяя и измеряя все сущее, упорядочивает и оформляет космос [Еремеев, 1993; Бахтызин, 2004].

Аристотеля граница интересует не в качестве трансцендентного начала, а как важнейшая характеристика отдельного: «Пределом называется граница каждой вещи, то есть то первое, вне которого нельзя найти ни одной его части, и то первое, внутри которого находятся все его части» [цит. по: Боровкова, 2007]. Поскольку тело – это существование идеи в материальной форме, граница есть необходимое условие оформления материи: переход материи к действительному существованию связан с обретением ею конкретной формы, очерчиванием определенных границ, посредством которых она становится вещью [см.: Бахтызин, 2004. С. 27]. Начиная с Аристотеля, граница стала рассматриваться в качестве атрибута существования материального тела.

Кроме того, Аристотель отмечал, что граница связывает вещи и их части в целое [см.: Бахтызин, 2004. С. 26]. Действительно, граница не только отделяет одно от другого, но и соединяет их; природа границы позволяет трактовать бытие как диалектику целого и части.

Подобно тому, как границы в целом являются атрибутом бытия, социальные границы выступают атрибутом социальности. Социальное бытие невозможно без существования границ. Уничтожая одни границы, мы тем самым создаем другие. Процесс установления и корректировки социального порядка – это и есть, собственно, процесс проведения границ: между дозволенным и недозволенным, между нормой и девиацией, между истинным и ложным, между Своими и Чужими. Ю. М. Лотман, анализируя пространство семиосферы, отмечал, что

всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее («свое») пространство и внешнее («их»). «Свое» пространство определяется как «наше», «культурное», «безопасное», «гармонически организованное». Ему противопоставит «их-пространство», «чужое», «враждебное», «опасное», «хаотическое» [Лотман, 2000. С. 257].

Важность социальных границ определяется тем, что они, во-первых, фиксируют право собственности. На уровне государства это право воплощается в принципе суверенитета, важнейшей составляющей политической мифологии, связанной с такими ценностями, как независимость и безопасность. Этим объясняется распространенная практика сакрализации границы: скажем, в СССР граница защищала «священные рубежи Родины» [Изотов, 2008. С. 55], а образ пограничника, соответственно, выступал значимым персонажем советского героического пантеона [Илюха, 2008. С. 206]. Во-вторых, границы обозначают социальные иерархии. Именно поэтому легитимное пересечение вертикальной социальной границы сопровождается ритуалами [Patshayder, 1999], а нелегитимное, связанное с нарушением иерархии – наказанием, будь то в академическом сообществе или в преступном мире.

Границы, отражая объективную дискретность социального бытия, в то же время выступают социальным конструктом: в процессе проведения границ объективные различия не только фиксируются, но также акцентируются или, напротив, сглаживаются.

Конструктивистский подход к анализу социальных границ был впервые применен Фредриком Бартом, работам которого социальные науки в значительной степени обязаны своим интересом к исследуемой категории [Barth, 1969]. Норвежский антрополог показал, что сами содержательные компоненты этнической культуры в значительной степени определяются необходимостью границы между сообществами. Первична сама граница, а не удерживаемое ею культурное содержание. Этнические границы создаются при помощи этнических маркеров, или диакритиков, – элементов культуры, отбираемых (иногда достаточно произвольно) самими членами группы для подчеркивания своих отличий от окружающих (например, одежда, язык, стиль жизни) [Barth, 1969. Р. 14].

В книге Джона Армстронга, который применил идеи Барта для анализа национальных сообществ, для обозначения этих маркеров был предложен термин «символические пограничники» [Armstrong, 1982]. Действительно, соци-

альные границы имеют символическое измерение; по оценке Мишель Ламон, «символические границы представляют собой необходимое (хотя и не достаточное) условие границ социальных» [цит. по: Lamont, Molnar, 2002. Р. 169]. Символические границы представляют собой объективированные формы социальных различий, обнаруживающих себя в неравном доступе к ресурсам (материальным и нематериальным) и социальным возможностям, а также в их неравном распределении [Ibid. Р. 168].

Роль символических границ в социальных отношениях определяется их связью с такими важнейшими социальными феноменами, как власть и идентичность. Проведение символических границ является фактором, оказывающим влияние на отношения господства и подчинения, и, следовательно, может быть рассмотрено – воспользуемся терминологией Пьера Бурдьё – в качестве формы «символического насилия» [Bourdieu, 1998. Р. 103]. Как отмечает Ламон, литература по символическим границам приобрела особую значимость в 1960-х благодаря тому, что произошла своеобразная конвергенция двух научных направлений: исследований символических систем и изучения не прямых форм власти [Lamont].

Насилием над реальностью является уже такой способ проведения границ, как социальная категоризация – систематизация и упорядочивание социального окружения путем распределения социальных объектов по категориям. Собственно, само понятийное мышление связано с постоянным проведением границ. «Определить, – пишет А.Ф. Лосев, – значит положить предел, границу» [цит. по: Боровкова, 2007].

Что касается коллективной идентичности, то ее интерпретация в качестве, в первую очередь, отношения между Своими и Чужими [Jenkins, 1996] определяет ключевое значение границы. Репрезентации Своих и Чужих обуславливают друг друга; конструкция инаковости одновременно представляет собой нормативный образец идентичности [Sharp, 2000. Р. 29]. Таким образом, проведение границ связано с процессами включения и исключения как необходимыми условиями создания и функционирования сообщества. Заметим, что универсальный характер проведения границ показал еще Б. Ф. Поршнев, первым в отечественной науке обратившийся к проблеме оппозиции «Мы – Они» [Поршнев, 1979].

При этом следует принимать во внимание гетерогенность коллективной идентичности, которая существует как процесс конкуренции различных дискурсов, соревнующихся между

собой за определение «наших» и «не-наших» и, соответственно, за определение нормы и девиации. Та же русскость представляет собой поле конкурирующих дискурсов, и мы можем наблюдать множество самых различных, порой взаимоисключающих, интерпретаций на тему, что такое Россия и что означает «быть русским». Различные дискурсы утверждают символические границы между Своими и Чужими на собственный манер, определяя при этом «более Своих» и «менее Своих» (или «внутренних Чужих»). Тем самым создание, поддержание и корректировка социального порядка предполагает продуцирование иерархий и асимметрий внутри сообщества: одни модели поведения признаются эталонными, другие же подвергаются маргинализации или вовсе выносятся за границы Своего. Каждый из идентификационных дискурсов, производя инаковость внешнюю, тем самым производит и инаковость внутреннюю; внешние и внутренние границы сообщества взаимообусловлены.

Очевидно, в этой ситуации один вариант проведения границ выступает непримиримым соперником другого. Еще Барт обратил внимание на то, что борьба ведется как за право проведения границ, так и за выбор самих диакритиков: различные политические группы утверждают ценность одних маркеров и ставят под сомнение значимость других [Barth, 1969. Р. 35]. Таким образом, для того чтобы укрепить одни символические границы, требуется ослабить альтернативные.

Для обоснования правильности собственного варианта проведения границы, придания ей прочности, нередко прибегают к использованию тех маркеров, которые ассоциируются с природными, натуральными характеристиками человека – например, расы и пола. Так, в исследовании Кэтрин Манзо показано, как различные виды национализма используют дискурс расизма для обоснования своей легитимности [Manzo, 1996. Р. 19].

Эффективными символическими пограничниками служат также образы мужчин и женщин, которые принимают участие в отделении Своих от Чужих и в оценивании первых выше, чем вторых [Yuval-Davis, 1997. Р. 23]. Анализируя историю Холодной войны, Синтия Энлоэ заметила, что послевоенная конфронтация представляла собой множество поединков за определение маскулинности и фемининности [Enloe, 1993. Р. 18–19]. Действительно, гендерный дискурс широко использовался обеими сверхдержавами для обоснования своего превосходства не только в сфере взаимоотношения полов, но и в социально-политических

отношениях [Рябов, 2007]. Другим примером эксплуатации гендерного дискурса для проведения социально-политических границ может служить включение образа «мужика» в обоснование легитимности существующей в современной России власти. Соответственно, для обоснования девиантности оппонентов в политическом отношении привлекается идея их девиантности в гендерном аспекте [Рябова, Рябов, 2010].

Различия идеологических систем могут быть представлены в качестве различий в способах проведения границ. Так, национализм призывает рассматривать деление человечества на нации в качестве основного [Smith, 1991. P. 74]. Согласно известной характеристике Кэтрин Вердери, национализм – это классифицирующий дискурс, в котором нация понимается в качестве базового оператора всеохватывающей системы социальной классификации [Вердери, 2002. С. 297]. Соответственно, «базовым оператором» расизма будет раса; он утверждает приоритетность расового деления человечества над всеми прочими, подобно тому, как, скажем, марксизм – классового, а феминизм – гендерного.

Как отметила Вердери, различные национализмы борются за право на определение символа нации [Вердери, 2002. С. 299], что может быть проиллюстрировано современной ситуацией в России. Проект российской нации, российскости, стартовавший сразу после распада СССР, особый масштаб приобрел в 2000-е. Концепция российскости исходит из того, что деление на россиян и не-россиян является приоритетным перед всеми другими делениями – социальными, этническими, конфессиональными, региональными. Если российский гражданский национализм исходит из лозунга «Россия для россиян», то русский этнический – «Россия для русских», причем российскость рассматривается как враг русскости. Другим вызовом концепции российскости является тот способ проведения границ, который более всего отражен в позиции КПРФ: здесь утверждается, что власть, используя ресурс национализма, тем самым старается скрыть границы между бедными и богатыми, консервируя социальное расслоение в российском обществе [Рябов, 2008].

Еще одной иллюстрацией проведения границ, связанного с установлением властных отношений, является деление мира, говоря словами Стюарта Холла, на «Запад» и «Все Остальное» [Hall, 1992]. Такой способ социальной категоризации является предметом анализа в постколониальных исследованиях, зарождение

которых обычно возводят к публикации труда Эдварда Саида «Ориентализм» [Said, 1978]. Ориентализм понимается как дискурс эпохи Модерности, в котором знания Запада о Востоке связаны с доминированием над последним. Саид обосновал тезис о том, что репрезентации Востока, производимые данным дискурсом, востребованы для того, чтобы определить природу Востока и восточного как низшую и отличную от Запада и легитимировать западное управление им [Lewis, 1996. P. 23]. Среди ключевых элементов ориентализма – убеждение, что Запад способен понимать Восток, представлять его интересы и управлять им лучше, чем это делает или мог бы сделать сам Восток [Ibid. P. 16]. Запад при этом трактуется в качестве универсального референта: есть только одна модель, все остальное репрезентируется как девиация. Восток оценивается в терминах «отсталости» и «недоразвитости»; его настоящее – это прошлое Запада. Среди тех функций, которые выполняет ориентализм, отметим, во-первых, его роль в конструировании идентичности Запада. «Запад» есть отрицание восточности; внутренние Чужие Запада, напротив, подвергаются ориентализации. Помимо прямого отождествления этих социальных групп с «восточными дикарями», им приписываются те же леность, чувственность, иррациональность, хаотичность, недостаток самоконтроля и др. [Hall, 1992. P. 280]. Во-вторых, ориентализм помогает установить и поддерживать власть над Востоком за счет репрезентаций данной культуры как низшей и неспособной к самоуправлению.

Таким образом, необходимыми условиями конкурентоспособности символических границ являются их заметность и прочность. В соответствии с этим эффективные символические пограничники должны, во-первых, маркировать границу и быть узнаваемыми; во-вторых, «охранять» границу, делать ее «непреодолимой», легитимируя ее, придавая ей видимость законности, вечности, «естественности»; в-третьих, акцентировать различные черты двух сообществ и игнорировать сходные.

«Russian Bear» как символический пограничник

Россия является еще одним Другим Запада, идентичность которого конструируется через ее исключение: она обозначает границу западной цивилизации в географическом, культурном, религиозном, политическом аспектах.

Инаковизация России осуществляется при помощи различных маркеров; прежде всего,

через оппозицию «цивилизация – варварство». Нецивилизованность эксплицируется, во-первых, через идею отсталости России, ее принадлежности прошлому: русских «варваров» сравнивают со скифами, гуннами, вандалами [см.: Тарле, 1991. С. 274; Malia, 1990. Р. 74]. Во-вторых, она трактуется как «природность», что находит выражение, в частности, в символе медведя.

Разделение христианства на западную и восточную ветви, взаимные обвинения в ереси обеих церквей также способствовали дискурсивному вытеснению православной России за пределы нормы под названием «Запад» [Harle, 2000. Р. 68–71]. Более того, нередко русскому православию вообще отказывали в праве считаться ветвью христианства.

Иногда роль идентификатора выполнял «расовый» фактор: например, в годы Холодной войны коммунизм (со всеми его не-западными коннотациями) выводился из «сущности славянства» [Wolff, 1994. Р. 371].

Чаще русских записывали в азиаты, и наиболее заметной формой инаковизации России стали репрезентации ее как воплощения Востока. Россия с ее «азиатским деспотизмом» рассматривается в качестве наследницы империи Ахеменидов, когда-то угрожавшей свободолюбивым грекам [Malia, 1990. Р. 3]. Как правило, подобная ориентализация преследовала цель пробудить не самые добрые чувства по отношению к России. Таким образом, основными оппозициями, при помощи которых проводится граница с Россией, являются «цивилизация – варварство», «культура – природа», «прогрессивность – отсталость», «христианство – язычество», «свобода – деспотизм», «Европа – Азия», «Запад – Восток». Очевидно, медвежий символ вносит значительный вклад в их производство и поддержание.

Становление метафоры Россия-медведь проходило в несколько этапов на протяжении XV–XVIII вв. Вначале на Западе утверждается представление о медведе как «русском звере»; затем медведь превращается в маркер «Московии», а Россия – в страну, где обитают медведи; наконец, такое ассоциирование страны с медведем приобретает концептуальное измерение: этим начинают объяснять и характер ее жителей, и политику ее властей [Хрусталева, 2011].

Исследуемый образ занимает важное место в репрезентациях страны, обнаруживая себя в записках путешественников, политических памфлетах, карикатурах. Труды по истории образа медведя позволяют сделать вывод о том, что в культурах Западной Европы в этот пери-

од, т. е. до конца XIX в., он носил ярко выраженную негативную окраску [Shepard, Sanders, 1985; Иванов, Топоров, 1992; Bieder, 2005; Brunner, 2007]. Очевидно, данный образ играет важную роль в обосновании положений и о цивилизационной чуждости России, и об ее отсталости. «Русский медведь» является весьма эффективным символическим пограничником: он, во-первых, маркирует границу между Россией и Западом, во-вторых, легитимирует ее и, в-третьих, несет информацию о характере различий между ними.

«Медвежья» метафора заключает в себе вполне определенную характеристику России, позволяя тем самым мгновенно мобилизовать соответствующие ассоциации: чуждая, отсталая, агрессивная, деспотическая, сильная, но неуклюжая страна.

В глазах европейских авторов европейскость как синоним цивилизованности – это лишь внешняя оболочка неспособного к прогрессу «русского медведя». «Крещеными медведями» назвал русских Г. Лейбниц [см.: Кантор, 1995. С. 36]. Фридрих II упрекал Вольтера за его решение «писать историю сибирских волков и медведей», т. е. обратиться к истории России, а его отец, Фридрих-Вильгельм, считал московитов медведями, которых нельзя спускать с цепи, ибо потом их обратно не посадишь [Лиштенан, 1999. С. 83, 80]. Как отмечает Петер Меллер, в текстах европейских авторов XVIII в. русские, ассоциируемые с телесным и природным, противопоставлялись европейцам, ассоциируемым с разумом и цивилизацией; именно это явилось отправной точкой представлений о России как об *ursa major* [см.: Neumann, 1999. Р. 80–81].

Исследуемый символ способствовал приписыванию русским и иных черт, используемых в дискурсе Модерности для маркировки Другого: лень, косность, непредсказуемость. Наконец, медведь был призван акцентировать такую характеристику России, как агрессивность. Так, Уинстон Черчилль говорил о «кровавых лапах русского медведя» [см.: Уткин, 2002. С. 161], а Карл Маркс – о том, что «русский медведь способен на все, в особенности, когда он знает, что другие звери, с которыми ему приходится иметь дело, ни на что не способны» [Маркс, 1957. С. 172–173].

Помимо страха, «русский медведь» вызывает в западных культурах и ощущение собственного превосходства, и уважение к огромной силе, и опасение разбудить свирепого хищника, и желание приручить его, а то и посадить на цепь. Кроме того, разумеется, этот образ имеет и позитивные коннотации; о медвежьей силе

России вспоминают не только соперники, но и союзники – скажем, в периоды Первой и Второй мировых войн.

Медведь становится очень заметным персонажем освещения западными СМИ югоосетинского конфликта 2008 г. [см.: Riabov, de Lazari, 2009]; рассмотрим на материале дискурса этой войны способы акцентирования противоречий между Россией и Западом. «Медведь проснулся» – редкое западное издание не привлекало этот образ, характеризуя ситуацию в целом. Как отмечает обозреватель «Таймс», медведь вышел из берлоги, и больше его соседям не спать спокойно [Walt, 2008]. Иногда это резкое изменение геополитической ситуации выражает образ ожившего медведя. Так, карикатура из канадской «Калгари сан» изображает изумление Дяди Сэма, сидящего на медвежьей шкуре и обнаруживающего, что шкура начинает двигаться [Tab, 2008].

Особой радости от подобного пробуждения западные СМИ не выказывают. Традиционные коннотации образа «русского медведя» в зарубежной прессе включаются в репрезентации войны, помогая выстраивать «железный занавес» между «хорошими и плохими парнями». «Фигаро» отмечает: «Катастрофа обрушилась на Грузию. Эта маленькая страна Южного Кавказа, с 1991 года отчаянно пытавшаяся вырваться из когтистых лап русского медведя, в течение нескольких дней потерпела настоящее политическое, военное, моральное, экономическое и стратегическое поражение» [Мандевиль, 2008]. Джон Болтон пишет о «крови на когтях медведя» [Bolton, 2008]. А участники акции протеста в столице Украины избрали более наглядный способ актуализировать страхи перед «русским медведем». Напротив входа в посольство России участники акции «усадили плюшевого медведя с игрушечным автоматом в лапах и нафаршированной мясом мясорубкой вместо оторванной головы». Еще один кусок мяса лежал у медведя под боком. «Кровавый медведь», как его называли протестующие, был призван символизировать «агрессивный милитаризм российского государства» [Мусиенко, 2008].

Кровь, насилие, жестокость, империализм – к этому ассоциативному ряду добавляется такая черта «русского медведя», как архаичность России, ее неспособность к прогрессу. В статье под названием «Добро пожаловать назад в XIX век» Йозеф Йоффе пишет: «Смертный грех Тбилиси состоял в том, что Грузия вывернулась из-под лапы медведя и прижалась к Западу. С тех самых пор Москва пытается подчинить Грузию себе или раздробить ее» [Joffe, 2008].

Отметим различные аспекты легитимации символической границы с Россией при помощи данного символа. Всякая национальная аллегория способствует гомогенизации нации, и медведь не является исключением: все россияне превращаются в некие эманации большого «русского медведя», все они несут ответственность за происходящее. Использование животной метафоры, пусть косвенным образом, ведет к дегуманизации России, лишению ее человеческого обличья – а с медведем следует обходиться так же, как и с другими дикими животными. «Животных в цирке можно дрессировать, пока они не попробуют человеческого мяса. С Россией то же самое. В Грузии она попробовала крови и легкой, быстрой победы. Это значит, что ни в Варшаве, ни в Будапеште, ни даже в Берлине никто не должен спать спокойно» [Нельзя с бандитами говорить..., 2008]. Медведь не способен превратиться в человека, и потому еще одной функцией исследуемого символа является эссенциализация противоречий, репрезентации их как вечных и неустранимых. Популярная мысль о том, что Россия, 'eternal Russia', фатально не способна к переменам, получает в исследуемом аспекте, например, следующее выражение: «И не нужно строить иллюзий, что русского медведя можно приручить. Его только можно уничтожить...» [Грузия выходит из СНГ, 2008].

Как было отмечено, внутренние и внешние границы взаимообусловлены; образ внешних Чужих становится фактором внутривнутриполитической борьбы, и «русский медведь» принимает участие в маркировке тех, кто слишком, по мнению их оппонентов, связан с Москвой. Например, президент Украины Виктор Янукович получил подобную характеристику от Юлии Тимошенко [Янина, 2011]. Дискурс югоосетинского конфликта также позволяет выявить использование медвежьего символа во внутривнутриполитической борьбе. Знаменитый рекламный ролик «В лесу есть медведь» (There is a bear in the woods) использовался Рональдом Рейганом в победной для него президентской кампании 1984 г. Было бы удивительно в условиях подобного «медвежьего психоза», если бы отмеченные параллели не попытались использовать в дискурсе избирательной кампании 2008 г.: звучали призывы привлечь этот ролик для победы Джона Маккейна [Schuler]. Заметим, что среди противников кандидата от республиканцев высказывалось предположение, что именно Маккейн – борец с «русским медведем» – является политиком, наиболее заинтересованным в таком развитии событий на Кавказе [The Eagle the Bear..., 2008], и даже что сама война представляет собой предвыборную уловку неоконцов, исполь-

зующих историческую память американцев о «свирепом хищнике» для сохранения собственной власти [Scheer, 2008].

Медвежий символ в легитимации власти в современной России

Аналогичным образом исследуемый символ принимает участие в проведении внутренних границ в России. Образ медведя в русской культуре, как и во многих других культурах, амбивалентен; олимпийский «ласковый Миша» – далеко не единственная его ипостась. Это уже по преимуществу в советский период в детских книжках и мультфильмах медведь становится симпатичным – добродушным, сильным, справедливым. Результаты исследований отношения к медведю в дореволюционной России [Успенский, 1982; Рыбаков, 1989; Иванов, Топоров, 1992; Похлебкин, 1994; Гура, 1997; Белова, 2000; Пчелов, 2005 и др.] показывают, что нет оснований рассматривать медведя в качестве древнего национального символа, который объединяет русских и мобилизует их на коллективные действия, с которым они отождествляют себя и свою страну. Это не означает, что медведь совершенно не использовался в качестве аллегории России отечественными авторами, однако по преимуществу он был призван выразить специфику восприятия страны на Западе. В советский период «медвежья» метафора продолжала использоваться на Западе, на что руководство СССР реагировало с раздражением (например, И. Сталин в январе 1940 г., обсуждая ситуацию в Европе, предостерег британских политиков, чтобы те «не считали русских... дураками. В Западной Европе считали русских медведями, у которых плохо работает голова» [Городецкий, 2001. С. 27]). Вместе с тем оно пыталось «приручить» Russian Bear, и наиболее известным «ответом Чемберлену» стал проект олимпийского Мишки.

Отношение к метафоре Россия-медведь меняется в постсоветский период, что обусловлено рядом факторов. Во-первых, это стало следствием глобализации и культурной экспансии Запада: наряду с технологиями, товарами, стилем жизни, потребляют также образы и символы. Во-вторых, в качестве национального символа он включается в процессы создания постсоветской идентичности, предполагающие противопоставление и советскому периоду, и Западу. В-третьих, брэндинг медведя стал задачей политической пропаганды «партии власти». Появившись на логотипе Межрегионального движения Единство (Медведь) накануне парламентских выборов 1999 г., он пе-

рекочевал и на символику «Единой России», образовавшейся в результате объединения «Единства» с блоком «Отечество – Вся Россия» в 2003 г. Брэндинг включает в себя наделение облика медведя позитивными коннотациями; происходит своеобразная семиотическая перекодировка данного символа. «Русский медведь» служит хорошей иллюстрацией слов Энтони Коэна о том, что «символы не столько выражают значения, сколько дают нам возможность значения производить» [Cohen, 1985. P. 15]. Медвежий символ позволяет вкладывать в себя различные, порой противоположные значения. Согласно данным соцопроса, если американские респонденты полагают, что «русский медведь» символизирует агрессивность, силу, жестокость, варварство, то сегодняшние русские ассоциируют с медведем, помимо силы, также добродушие и бесхитрость [Рябова, 2011].

Кроме того, этот брэндинг включает в себя установление своеобразных цепочек эквивалентности между медведем, рускостью, властью и «Единой Россией». Медведь объявляется подлинным символом нации, поскольку, как утверждается, его культ отличает русских с древнейших времен. Медведь при этом позиционируется как олицетворение национального характера русских. Воплощая огромные размеры страны, ее силу, мощь, заставляющую трепетать соседей, он в то же время добродушен и миролюбив, что помогает при создании соответствующей картины международных отношений. Медведь – не хищник по своей природе, поэтому силовые акции всегда можно сопроводить фразами типа «разбудили мишку», «не надо было дразнить медведя», иллюстрируя вынужденность подобной реакции. Наконец, образ включается в апологию суверенности и самодостаточности России.

Медведь, таким образом, призван выразить сумму значений, совпадающих с ценностями, защита которых объявляется нынешней властью ее приоритетом – суверенитет, власть, сила. Такая черта медвежьего символа, как его распространенность среди не только русского, но и других этносов России (включая финно-угорские народы, народы Сибири), позволяет ослабить межэтнические границы в стране, укрепив границы внешние. При этом главным внешним Чужим становится Запад, а внутренними – все, кто ему симпатизирует.

Принимая во внимание эффективность медвежьего символа, не приходится удивляться тому, что оппоненты «партии власти» стремятся, как выражается автор одной статьи,

к «демедведизации» страны [Федосеев, 2008]. В этих условиях символу «партии власти» приходится сталкиваться с вызовами двоякого рода: и дискредитацией медведя как такового, и сомнениями в подлинности медведя единокровного. В дискурсе основных оппозиционных партий акцентируются черты, которые приписываются медведю в мировой и отечественной культурных традициях – лень, грубость, жестокость, жадность, склонность к воровству. Другим вызовом «официальному медведю» являются притязания на медвежий символ со стороны других политических дискурсов (например, НБП, «Родина», экстремистские течения русского национализма) [см.: Рябов, 2009]. В подобной ситуации можно прогнозировать, что в предстоящих избирательных кампаниях борьба за данный символ, связанная с соперничеством за право проведения границ, будет весьма напряженной.

Подведем итоги. Границы представляют собой атрибут социальности. В процессе их проведения объективные различия не только фиксируются, но также акцентируются или, напротив, сглаживаются, что позволяет считать границы социальным конструктом. Необходимым элементом социальных границ являются границы символические, создаваемые при помощи символических пограничников. Поскольку проведение символических границ связано с отношениями власти, выбор символических пограничников становится предметом острой конкуренции между различными идентификационными дискурсами, которые представляют различные политические силы.

«Русский медведь» выполняет функцию символического пограничника в западном дискурсе, позволяя маркировать Россию как чуждую, опасную и отсталую страну, а также принимая участие в практиках исключения внутренних Чужих. В постсоветский период медвежий символ востребован и в России. Он призван не только подчеркнуть «особый путь» России и показать отличия от Запада, но и способствовать укреплению внутреннего единства страны. Образ медведя активно используется в политической символике и тем самым принимает участие в проведении внутренних границ и иерархий; это обуславливает острую конкуренцию за обладание этим символом и его (ре)интерпретацию.

Литература

Бахтызин А. М. Граница: бытие, сущность, рефлексия: Дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2004. 177 с.

Белова О. В. Славянский bestiary. Словарь названий и символики. М.: Индрик, 2000. 320 с.

Боровкова О. В. Граница и предел как два способа ограничения // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 299 (I). С. 38–41. URL: http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/299/image/299_038-041.pdf (дата обращения: 20.04.2011).

Вердери К. Куда идут «нация» и «национализм»? // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М.: Праксис, 2002. С. 297–307.

Городецкий Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 384 с.

Грузия выходит из СНГ. URL: <http://salat.zahav.ru/ArticlePage.aspx?articleID=2787&categoryID=11> (дата обращения: 20.04.2011).

Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.

Еремеев В. Е. Чертеж антропокосмоса. М.: АСМ, 1993. 384 с.

Ерофеев В. В. Москва – Петушки // Ерофеев В. В. Оставьте мою душу в покое: Почти всё. М.: «Х.Г.С.», 1995. 407 с.

Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Медведь // Мифы народов мира: В 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 128–130.

Изотов А. Б. Повседневная жизнь пограничного города: послевоенная Сортавала // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2008. С. 53–64.

Илюха О. П. Советские границы в учебно-воспитательных текстах сталинского времени // Там же. С. 205–214.

Кантор К. Кентавр перед Сфинксом // Кентавр перед Сфинксом: (Германо-российские диалоги) / Под ред. К. Кантора. М.: Апрель-85, 1995. 275 с.

Лиштенан Ф. Д. Вольтер: Фридрих II или Петр I // Вольтер и Россия / Под ред. А. Д. Михайлова, А. Ф. Строева. М.: ИМЛИ, «Наследие», 1999. 171 с.

Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.

Мандевиль Л. Саакашвили поставил под угрозу мечты грузин о Западе // Фигаро. 14 августа 2008. URL: <http://www.inopressa.ru/lefigaro/2008/08/14/15:43:21/saakashvili> (дата обращения: 20.04.2011).

Маркс К. Русская политика по отношению к Турции. – Рабочее движение в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 9. М.: Политиздат, 1957. С. 172–173.

Мусяенко В. «Геть – кровавый медведь!» // Главред. 11 авг. 2008. URL: <http://glavred.info/print.php?article=/archive/2008/08/11/160721-8.html> (дата обращения: 20.04.2011).

Нельза с бандитами говорить светским языком (Onet.pl. 18 авг. 2008 г. URL: <http://www.inosmi.ru/text/translation/243368.html> (дата обращения: 20.04.2011).

Поршнева Б. Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1979. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/porshnev_soc/ (дата обращения: 20.04.2011).

Похлебкин В. Медведь // Похлебкин В. Словарь международной символики и эмблематики. М.: Междунар. отношения, 1994. 558 с.

Пчелов Е. Три медведя в старейших русских земельных гербах // Гербовед. 2005. № 80. С. 48–62.

Рябов О. В. Охота на медведя: О роли символов в политической борьбе // Неприкосновенный запас. 2009. № 1 (63). С. 195–211.

Рябов О. В. «Россия-Матушка»: Национализм, гендер и война в России XX века. Stuttgart; Hannover: Ibidem, 2007. 290 с.

Рябов О. В. Русскость и российскость как способы проведения символических границ // Проблемы формирования общероссийской идентичности: Русскость и российскость. Материалы междунар. науч. конф., Иваново-Плес, 15–16 мая 2008 г. / Под ред. О. В. Рябова. Иваново, 2008. С. 32–35.

Рябова Т. Б. Медведь как символ России: Социологическое измерение // «Русский медведь»: история, семиотика, политика / Под ред. О. В. Рябова и А. де Лазари. М.: НЛО, 2011 (готовится к изданию).

Рябова Т. Б., Рябов О. В. Настоящий мужчина российской политики? (К вопросу о гендерном дискурсе как ресурсе власти) // Полис. 2010. № 5. С. 48–63.

Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 406 с.

Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М.: МГУ, 1982. 245 с.

Уткин А. И. Уинстон Черчилль. М.: Алгоритм; ЭКСМО, 2002. 605 с.

Федосеев И. России нужна демедведизация 2008.03.11. URL: <http://forum-msk.org/material/politic/450396.html?pf=7> (дата обращения: 20.04.2011).

Хрусталева Д. Происхождение «русского медведя» // НЛО. 2011. № 1 (107).

Янина И. Годовой отчет: Виктор Янукович в прямом эфире поговорил с гражданами Украины // Взгляд: Деловая газ. 2011. 25 февр. URL: <http://vz.ru/politics/2011/2/25/471482.html> (дата обращения: 20.04.2011).

Armstrong J. Nations before Nationalism. Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 1982. 411 p.

Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: the Social Organization of Culture Difference: Results of a Symposium Held at the University of Bergen, 23rd to 26th February 1967 / Ed. by F. Barth. Boston: Little, Brown, 1969. P. 9–38.

Bieder R. E. Bear. Reaktion Books, London: 2005. 192 p.

Bolton J. R. After Russia's invasion of Georgia, what now for the West? // Telegraph. 15 Aug 2008. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/georgia/2563260/John-Bolton-After-Russias-invasion-of-Georgia-what-now-for-the-West.html> (дата обращения: 20.04.2011).

Bourdieu P. Practical Reason: On the Theory of Action. Stanford University Press, 1998. 168 p.

Brunner B. Bears: A Brief History. New Haven; London: Yale University Press, 2007. 272 p.

Cohen A. The Symbolic Construction of Community. London; New York: Ellis Horwood Ltd., 1985. 128 p.

Enloe C. H. The morning after: Sexual politics at the end of the Cold War. Berkeley: Univ. of California Press, 1993. 326 p.

Joffe J. Welcome Back to the 19th Century // The Wall Street Journal, 12.08.2008, URL: http://online.wsj.com/article/SB121848870627030979.html?mod=rs_opinion_main (дата обращения: 20.04.2011).

Jenkins R. Social Identity. London; New York: Routledge, 1996. 206 p.

Hall S. The West and the Rest: Discourse and Power // S. Hall, B. Gieben (Eds.). Formations of Modernity. Cambridge: Open University Press: Polity Press, 1992. P. 275–333.

Harle V. The Enemy with a Thousand Faces: The Tradition of the Other in Western Political Thought and History. Westport, Conn., 2000. 218 p.

Lamont M. Symbolic Boundaries. URL: <http://educ.jmu.edu/~brysonbp/336/readings/LamontEncyclo.html> (дата обращения: 20.04.2011).

Lamont M., Molnar V. The Study of Boundaries in the Social Sciences // Annual Review of Sociology. 2002. Vol. 28. P. 167–195 (Volume publication date August 2002).

Lewis R. Gendering Orientalism: Race, Femininity and Representation. London; New York: Routledge, 1996. 267 p.

Malina M. Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge (Mass.); London: Harvard University Press, 1999. 514 p.

Manzo K. A. Creating Boundaries: The Politics of Race and Nation. London and Boulder: Lynne Rienner, 1996. 251 p.

Neumann I. B. Uses of the Other: «The East» in European Identity Formation. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999. 248 p.

Patshayder H. Rituals and symbols that create daily limits (for example, the club Motorcycle Witches and settlers in Transylvania) // Кочующие границы: Материалы междунар. семинара (на рус. и англ. яз.) / Под ред. О. Бредниковой, В. Воронкова. СПб., 1999. URL: http://www.indepsocres.spb.ru/patsch_r.htm/ (дата обращения: 20.04.2011).

Riabov O., de Lazari A. Misha and the Bear: The Bear Metaphor for Russia in Representations of the «Five-Day War» // Russian Politics and Law. Vol. 47, N 5 / September-October 2009. P. 26–39.

Said E. Orientalism. New York: Pantheon Books, 1978. 368 p.

Sharp J. P. Condensing the Cold War: Reader's Digest and American Identity. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2000. 240 p.

Scheer R. Georgia War: A Neocon Election Ploy? // The Nation. August 13, 2008. URL: <http://www.thenation.com/doc/20080818/scheer2> (дата обращения: 20.04.2011).

Shepard P., Sanders B. The Sacred Paw: The Bear in Nature, Myth, and Literature. New York, Arkana, 1985. 244 p.

Schuler D. The Big Questions on the Situation in the Caucasus. URL: http://www.outsidethebeltway.com/archives/2008/08/the_big_questions_on_the_situation_in_the_caucasus/ (дата обращения: 20.04.2011).

Smith A. D. National Identity. Reno: University of Nevada Press, 1991. 226 p.

Tab. Stuffed Bear. URL: <http://caglecartoons.com/viewimage.asp?ID={9B4D3083-787A-4B6C-8E55-C47B280F90E5}> (дата обращения: 20.04.2011).

The Eagle the Bear and the Guns of August. URL: <http://madplatonews.blogspot.com/2008/08/eagle-bear-and-guns-of-august.html> (дата обращения: 20.04.2011).

Walt V. The Bear Is Back on the Prowl // *Time*. Aug. 14, 2008. URL: <http://www.time.com/time/printout/0,8816,1832850,00.html> (дата обращения: 20.04.2011).

Wolff L. *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment.* Stanford: Stanford University Press, 1994. 419 p.

Yuval-Davis N. *Gender and Nation.* London; Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications, 1997. 157 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Рябов Олег Вячеславович

профессор, д. филол. н.
Ивановский государственный университет
ул. Ермака, 37, Иваново, 153025
эл. почта: riabov1@inbox.ru
тел.: 4932-320036

Константинова Мария Анатольевна

студентка 5 курса исторического факультета
Ивановский государственный университет
ул. Ермака, 37, Иваново, 153025
эл. почта: konstantinovamasha@yandex.ru
тел. 4932-320036

Ryabov, Oleg

Professor, DSc.
Ivanovo State University
37 Ermak St., 153025 Ivanovo, Russia
e-mail: riabov1@inbox.ru
tel. 4932-320036

Konstantinova, Maria

5th year Student, Faculty of History
Ivanovo State University
37 Ermak St., 153025 Ivanovo, Russia
e-mail: konstantinovamasha@yandex.ru
tel. 4932-320036